

Глава 35

Сговор славянских мудрецов.
Реформа Гайдара — Чубайса.
Общение с «заводским народом».
Письма читателей и слушателей.
Донос Гавриила Попова в Конгресс США.
«Черный Октябрь» и творческая интеллигенция.
Уход со «Свободы».
Прекращение деятельности.
Союза трудовых коллективов.

В этой главе речь пойдет об относительно недавних событиях, но так как я имею дерзость надеяться, что эта моя книга будет жить долго, то и недавнее со временем станет давним. Я лишь не буду слишком подробно описывать эти события, буду отмечать самые важные штрихи и комментировать их.

Сговор славянских мудрецов

Вскоре после путча ГКЧП в Беловежской пуще был провозглашен роспуск Советского Союза. Я уже объяснял свою точку зрения на это событие и сейчас хочу лишь отметить то, на что не было обращено должного внимания. А именно — шовинистическое хамство Ельцина и двоих его славянских собутыльников, которые не посчитали нужным пригласить к обсуждению такого судьбоносного вопроса лидеров неславянских республик. Они, значит, распоряжались судьбой Советского Союза и его народов как хозяева. Вот тебе и Союз! Не говоря уж о вопиющем антиправовом характере беловежского сговора «на троих» и о том, что такой его, сговора, «формат» не позволял обсуждать судьбу нацменьшинств в республиках, в том числе и славянских нацменьшинств.

Это заседание в сауне пьяных славянских вождей, по глубокому моему убеждению, войдет в историю как свидетельство опасной недоразвитости трех «великих» славянских народов бывшего Советского Союза. Немыслимо даже представить себе, чтобы вопрос такой важности решался подобным образом в цивилизованных странах!

И еще не забудем: тут есть один особенно позорный аспект — жажда Ельцина поскорее влезть в кремлевское кресло Горбачева, ради чего сплеча рубился Советский Союз. И эта спешка безропотно была принята демократической общественностью России. (Прошу читателя иметь в виду, что везде, где я употребляю эпитет «демократический» в приложении к российской общественности или интеллигенции, я подразумеваю кавычки!) И это уже не только проявление дальтонизма ко злу, но и симптом, на мой взгляд, разрушения личности российского общества, за чем обычно следует и разрушение тела.

Реформа Гайдара-Чубайса

Почти впритык за варварской ликвидацией СССР последовало, как известно, другое великое событие — варварская, грабительская реформа Гайдара — либерализация цен (в условиях национализированной экономики!). За ней накатила грабительская приватизация Чубайса с помощью ваучеров. Я горжусь тем, что первый в России по радио и в российской прессе стал говорить и доказывать, что ваучеры не только не сделают рядовых граждан собственниками средств производства, но и не принесут им никакого дохода. Я доказывал, что обещания Чубайсом двух автомашин за один ваучер через год или 200 тысяч рублей, как это обещал академик и депутат Бунич, — дерзкая ложь, и цены на ваучеры будут только падать, ибо со временем начнет все больше выявляться бесполезность ваучеров: бывшая партийная и хозяйственная номенклатура, доказывал я, оставаясь у власти, никого из народа не подпустит к приватизации потенциально прибыльных объектов, всеми неправдами распределит их между собой, а для маскировки поставит во главе концернов и корпораций отдельных теневых и криминальных дельцов, вроде тех же Березовского или Потанина.

Отмечу, что Союз трудовых коллективов с помощью благожелательно настроенных к нему депутатов Верховного Совета РФ упорно боролся за придание закону о приватизации выгодного для трудовых коллективов характера. В результате этой борьбы и был включен в закон второй вариант приватизации, когда трудовой коллектив мог получить 51% голосующих акций. Но представители Чубайса перечеркнули это дополнение, поставив условием принятия второго варианта — открытую форму владения акциями, т. е. с возможностью продавать их на открытом рынке. Плюс к этому они протолкнули еще и пункт, согласно которому на предприятиях ликвидировались Советы трудовых коллективов (чтобы затруднить консолидацию акций коллектива!), а в директорских советах допускалось присутствие представителей коллектива в размере не более 30% от общего числа членов совета. В итоге администрация и внешние покупатели легко могли скупать акции у рядовых работников, лишая коллектив контрольного пакета, чем они и не преминули воспользоваться, когда дело касалось предприятий из доходных отраслей.

На Западе все предприятия и учреждения с собственностью работников принимают форму закрытых акционерных обществ, если вообще используют акции в каком-либо виде. Изредка администрация таких предприятий выпускает в открытую продажу акции, но либо в форме привилегированных (не имеющих голоса, но с твердыми дивидендами), либо голосующие, но в небольшом количестве.

И еще деталь. Помощник Чубайса Д. Васильев, выступая в те дни в прессе, сказал, что только 50% трудовых коллективов выражают желание стать собственниками своих предприятий. Может быть, эта статистика и была правдивой, но только по отношению к числу коллективов, а не работников. Васильев сложил лошадей и рябчиков: в половине, желающей хозяйствовать, находились крупные и средние предприятия, на которых было занято около 70% всех работников промышленности, а в не желающей части — мелкие предприятия, в которых преобладали малообразованные и деморализованные рабочие, мнением которых администраторы могли легко манипулировать.

Большинство крупных и средних предприятий и научно-прикладных учреждений состояло в «нашем» Союзе трудовых коллективов.

В 1992 году я смог осуществить мечту об издании на родине своей главной книги — о принципах синтетического социализма. Она была опубликована под названием «Самоуправление — будущее человечества или новая утопия?» в издательстве «Интер-Версо» (дочернее предприятие издательства «Международные отношения»). Это была усовершенствованная русская версия изданной за три года до того у «Хердера» книги «Россия перед выбором — самоуправление или тоталитаризм?». Тираж был весьма велик по тому времени (для подобной литературы) — 9 тысяч экземпляров, половину тиража закупил Союз трудовых коллективов для распределения по предприятиям страны. Книгу потом видели у рабочих активистов в Воркуте, Кузбассе, Приморье.

Общение с «заводским народом»

В 92-м году осуществилась и другая моя мечта — я смог выступить с лекциями на заводах. Питерский филиал СТК организовал для меня цикл лекций на шести предприятиях города. Часть расходов взял на себя и филиал соросовского фонда «Открытое общество». Я сдружился тогда с Даниилом Граниным, которого мои идеи не оставляли равнодушным, и он как председатель фонда выхлопотал мне поддержку. Уложил я эти лекции в десять дней отпуска.

Выступления мои слушались с большим вниманием и сопровождались заинтересованным обсуждением содержания лекций, радовали умные, опирающиеся на здравый смысл вопросы и высказывания рабочих и инженеров.

Запомнился финал одного такого обсуждения в крупном научно-производственном объединении. В конце обсуждения я высказал мнение, что если бы строй кооперативного социализма установился в России, то это способствовало бы его распространению в мире, что в свою очередь увеличило бы шансы человечества на выживание. И вдруг один из слушателей сказал: «Вот это и есть — достойная для нашей страны национальная цель!». Это было еще до того, как Ельцин поставил задачу найти такую цель или идею.

В другой аудитории я получил записку такого содержания: «Мне импонируют Ваши взгляды на переустройство нашего общества в настоящее гуманное общество. Не хотели бы Вы поменять место на радио «Свобода» на кресло и портфель Председателя Совмина РСФСР и применить Ваш опыт и опыт других стран на деле, коль Вы заинтересованы в этом искренне?».

Выступал я немало и в Москве на всяческих собраниях, которых тогда было много. И даже на телевидение и радио не боялись меня тогда приглашать. Я уж не помню по какому каналу, но очень интересная передача получилась из сочетания двух интервью: с директором авиационного завода в Саратове Мироновым и со мной, и с включением архивных и музейных кадров о Савве Морозове. Я сам тогда, впервые к своему стыду, узнал, что Савва Морозов пытался сделать своих рабочих акционерами и совладельцами его фабрики, за что и был объявлен матерью и другими родственниками сумасшедшим. Хозяйских прав добивался и коллектив саратовского авиазавода. Запомнились слова Миронова: «Почему у нас боятся дать рабочему право на участие в управлении и прибылях, но не боятся зеленому парню в армии давать автомат с магазином патронов?».

После 93-го года на телевидение меня уже больше не приглашали.

В Москве я время от времени посещал станкостроительный завод «Красный пролетарий», коллектив которого и директор тоже пытались приватизировать это симпатичнейшее предприятие в собственности трудового коллектива. Директор, Юрий Кириллов, очень симпатичный человек, типичный выходец из рабочих, даже посылал своих сотрудников учиться опыту американских предприятий, принадлежащих трудовым коллективам. Приглашал и американских специалистов с таких предприятий к себе. Но общее разрушение обрабатывающей промышленности подкосило и этот завод. Кириллов мне объяснял: чтобы сдержать гиперинфляцию, власти резко сократили оплату продукции сельского хозяйства, и предприятия агропромышленного комплекса лишились средств на закупку техники — машин, тракторов, комбайнов, а производящие их заводы перестали закупать у нас станки. Так вот всю обрабатывающую промышленность и положили по эффекту домино. На «Красном пролетарии» перешли к выпуску очень примитивных, но дешевых станков, даже цистерны для разведения рыбы выпускали, и еще что-то подобное. Но это мало помогало, и приходилось все время сокращать число рабочих, вплоть до мизера. Держались на том, что сдавали или продавали по частям заводские помещения коммерческим фирмам под офисы или склады, благо завод был расположен почти в центре Москвы.

Существовал и еще ряд предприятий, которые заявляли себя «народными предприятиями», т. е. находившимися в собственности и самоуправлении коллективов, в том числе и комбинат микрохирургии глаза Святослава Федорова, но при ближайшем рассмотрении они оказывались, так сказать, директорскими предприятиями с авторитарными порядками и структурой совладения, которая представляла собой завуалированную премиальную систему.

Много позже, в 1999 году, я побывал в карельском поселке Советский под Выборгом на конференции 33-х так называемых протестных трудовых коллективов из 22-х городов, которые пытались добиться прав собственности на свои предприятия. Конференция проходила в клубе знаменитого тогда целлюлозно-бумажного комбината, который был взят в управление трудовым коллективом, и сумел отбить силовую, с использованием отряда спецназа, атаку криминального предпринимателя, желавшего заполучить комбинат в свою собственность. (Впоследствии коллектив заставили сдать помощь экономической блокады, организованной местными властями!)

Конференция оставила тяжелое впечатление: выступавшие люди мало верили в успех своей борьбы, не имели ясных представлений, что им делать, и сетовали, что народ в массе своей продолжает оставаться пассивным. Бросалось в глаза отсутствие настоящих левых оппозиционных сил в стране. Выступавшие на конференции члены КПРФ пытались лишь использовать протестные коллективы в своих узких интересах и получали вежливый отпор.

«У вас есть шанс, возможно, грандиозный...» Письма читателей и слушателей

Получал я тогда и много писем от читателей моих статей и изданной в Москве книги, а также и от слушателей радио «Свобода».

Приведу несколько выдержек из них. Слушательница из Минска (письмо от 21 декабря 1992 года):

«Много у меня любимцев среди сотрудников «Свободы», среди которых вы занимаете особое место. Я работница, и я не знаю никого другого, кто бы так последовательно, верно и от души защищал интересы рабочих, «наемных работников»».

Еще письмо слушателя (не знаю, откуда он):

«Вы хорошо копнули, даже не передать! Фундамент жизни восстановили, и маршрут вперед — к «групповой собственности». Вы — центрист, золотосерединник, золотое сечение наши. Россия тоже ищет, Вы помогаете».

Письмо учительницы из Перми. (Я опушу ее комплиментарные слова.)

«Вдруг оказывается, что в этом мире борцов с коммунизмом из прежней партийно-комсомольской номенклатуры, непрестанно убеждающих нас, что чем хуже для нас, тем лучше для страны, т. е. для них, вдруг находится человек (далее комплименты!), который ужасается тому, что государство творит со своими гражданами. Значит мы не одни! Если такому человеку не безразлична наша боль, значит еще есть надежда».

В письме она описывает поразительный случай, когда жена «нового русского», сыну которого учительница школы выставляла плохие оценки, пожаловалась директору школы: «Как эта учительница смеет что-то спрашивать с моего сына! Да он в день имеет больше карманных денег, чем она зарабатывает за три месяца!». Директор после этого вызывал учительницу и предупредил, что «если она не исправится, ей не работать нигде!». «Эти люди могут все — у них деньги, а значит и власть!» — объяснил учительнице директор. (Пусть читатель вспомнит мой рассказ о школе — много ли изменилось с тех пор?)

Письмо заканчивается словами: «Еще сто раз Вам спасибо за все, что Вы пишете, за то, что Вы — с нами».

И еще одно письмо, из Петрозаводска, от доктора философии Юрия Линника. Он пишет:

«Я предпочел бы Ваш путь. Прежде всего он реалистичен — и реалистичен потому, что опирается на идею синтеза, без осуществления которого Россия не выйдет из своего лабиринта. Вашему философско-политическому мышлению присуще бесценное и крайне редкое сейчас качество трезвости. Мыслителя Вашего ранга в России сейчас нет — наши интересные мыслители-публицисты работают совсем в другой плоскости: они заняты ретроспективой, историческим самоанализом. Это важно, но не это сейчас главное.

Вот читаю сейчас Ваши книги — и мне брезжит за ними возможность какой-то новой партии в России (или нового движения). Если бы Вы имели трибуну у нас, то за Вами пошли бы очень многие — причем какую-то часть людей, благодаря синтетичности и диалектичности ваших позиций, Вы могли бы привлечь и справа, и слева. Ваша идеология могла бы стать очень влиятельной. И даже, возможно, получить лидерство в борьбе мнений. Все это скорее предчувствие, чем продуманные соображения. Но мне кажется, что Вас очень не хватает в России — и что у Вас здесь есть шанс (возможно, грандиозный по своим перспективам). Но шанс — понятие вероятностное. Сколько шансов Россия уже упустила? Господи, как все неуклюже в нашей истории».

В постскриптуме автор добавляет: «Ощущение жуткой пустоты после смерти Сахарова. Кто заменит его? Попробуйте — Вы!»

Письмо датировано 25 января 1990 года.

Потом я познакомился с Юрием Линником. Он оказался человеком необычайной интеллектуальной энергии: философ, психолог, историк, поэт, коллекционер. В музее Рерихов в

Москве я обнаружил его книгу о философии и живописи Рерихов, потом узнал, что он занимается изучением и коллекционированием картин русских художников космистов, в том числе современных, организует им передвижные выставки, создал музей космического искусства им. Рериха в Птерозаводске, где он живет, вдет бурную издательскую деятельность, всего не перечислю.

Однако я отвлекся.

Донос Гавриила Попова в Конгресс США

Получил я «отзыв» и от очень знатного по тем временам слушателя, тогдашнего мэра Москвы Гавриила Попова, яркого представителя элитной интеллигенции, окружавшей тогда Ельцина. Однажды утром перед планеркой меня вызвал к себе в кабинет начальник русской службы и мой старый недруг Владимир Матусевич и торжественно объявил, что по распоряжению вице-президента обеих радиостанций мне отныне воспрещается выступать у микрофона!

На мой недоуменный вопрос — в чем дело? — Матусевич помахал передо мною какой-то бумагой и заявил, что в Конгрессе США получено письмо от мэра Москвы Гавриила Попова, в котором он выражает возмущение моим комментарием к его статье и вообще тем, что человек социалистических взглядов выступает на радиостанции, финансируемой Конгрессом США.

Незадолго до того мое внимание привлекла «постановочная» статья Попова, в которой он, заявляя себя ярким либералом, объяснял разницу между либералами и социал-демократами. Первые, мол, защищают в основном интересы людей, умеющих и желающих работать, а вторые — не умеющих или не желающих! Меня, разумеется, возмутила эта статья, и я ответил Попову по «Свободе». Я сказал, что люди социал-демократической ориентации выступают в защиту (в России) как раз тех граждан, которые умеют и желают работать — ученых, рабочих, врачей и т. д., — но теряющих возможность работать из-за разрушения промышленности, науки, здравоохранения. Либералы же новоявленные защищают более всего людей, не умеющих и не желающих работать, но желающих и умеющих присваивать государственное имущество или спекулировать им.

Выйдя от Матусевича, я на планерке рассказал о случившемся. И, несмотря на то, что циников и подхалимов хватало среди сотрудников, возмущение было всеобщим и бурным. Событие все-таки выходило из ряда вон. Раньше эти люди (вроде Попова), кричали сотрудники, зажимали рот своим журналистам через ЦК и КГБ, а теперь что — они будут нам рот зажимать через Конгресс или Госдепартамент?!

Была выбрана группа в несколько человек, которая отправилась протестовать к вице-президенту. Последний в тот же день прислал нам свой новый меморандум, в котором заявлял, что его неправильно поняли: он не намерен был отстранять меня от микрофона. Может так оно и было, и Матусевич, исходя из «дружеских» ко мне чувств, искажил смысл предыдущего меморандума вице-президента.

Между прочим, после того, как я уже ушел на пенсию (в 1993 году), Матусевича неожиданно уволили со «Свободы», и он повел в западной прессе бешенную пропаганду за закрытие «Свободы», не более, не менее! Апогеем стала его статья в «Литературной газете» (от 6.03.2002) под заголовком «Чужая «Свобода», в которой он без обиняков выступил за удаление из Москвы бюро РС. И к какой он прибегал аргументации! «Вклад «Свободы» в развал СССР и впрямь существенный», — писал Матусевич, ходивший на станции либералом и западником. Факт существования в Москве бюро «Свободы» он характеризовал как «уникально патологическое наследие ельцинского десятилетия», противоречащее «здравому смыслу и национальному достоинству россиян», немислимое на территории уважающих себя стран. И призывал, вопрошал: «Не пора ли десантникам домой на пражскую передовую?» Десантниками он назвал работников бюро «Свободы» в Москве. И писал он это в тот момент, когда в Кремле затевалась кампания за отзыв лицензии РС на работу ее филиала в Москве! Вот и гадай после этого, где собака зарыта — в нравственной невменяемости Матусевича или все-таки на Лубянке, сотрудником которой он в прошлом состоял?

Что касается Гавриила Попова, который вскоре после описанного случая оставил пост мэра, то через несколько лет он стал заявлять себя социал-демократом и даже пытался создать соответствующую партию.

Вернусь к ходу событий. Вскоре после инцидента с жалобой Г. Попова, Матусевич по каким-то неизвестным мне причинам ушел с поста директора русской службы и уехал в Америку, собором «Свободы» в Вашингтоне, а на его место из Америки перебросили в Мюнхен еще одного моего старого «друга» — Юрия Гендлера. Того, который, будучи евреем, крестился в эмиграции и заявлял: «Я не русский националист, я — русский шовинист!». Но это было давно. С тех пор он перековался в американского патриота и либерала. При нем цензура моих «скриптов» сделалась еще жестче, чем при Матусевиче, часто они вообще не пропускались в эфир.

Я уже говорил, когда рассказывал о «Свободе», что цензура эта была вызвана, скорее всего, усердием российских эмигрантов, ставших тогда единоличными начальниками в русской редакции, но, возможно, и высшему американскому руководству мои взгляды представились неуместными с того момента, когда у них появились большие шансы повлиять на развитие в России. Не дремали, конечно, и лубянские кадры. Но если бы я работал в чехословацкой, польской или венгерской редакции, цензуры, уверен, не было бы. Половина сотрудников в тех редакциях стояла примерно на таких же позициях, как и я, и никто не жужжал бы в уши американцам, что я делаю левые, опасные и дискредитирующие «Свободу» передачи.

Приближался тем временем срок, когда я мог уже уйти на пенсию, хотя мог бы еще и пять лет поработать. (По американским законам есть два срока выхода на пенсию. Для мужчин это 65 и 70 лет.)

Посоветовавшись с Анитой, я принял решение уходить. Вновь воевать с администрацией мне уже было скучно и противно. Срок моего ухода приходился на начало октября. И когда я оформлял выход на пенсию, в Москве разразился так называемый конституционный кризис, а точнее, переворот и еще точнее — буржуазная контрреволюция, ее второй и победный этап. (Первый — в 92-ом году)

«Черный октябрь» и творческая интеллигенция

Прежде всего должен сказать о своем отношении к Верховному Совету РСФСР, разогнанному Ельциным. На мой взгляд, это был единственный демократически избранный парламентский орган с начала горбачевской перестройки и до сегодняшнего дня (сентябрь 2002 года). При выборах в него уже не было тех ограничений, которые существовали на выборах в Верховный Совет СССР, и еще не появились рычаги давления на избирателей, которые стали применяться на последующих выборах: «административный ресурс», подкуп избирателей и избиркомов, «черные технологии» и телевизионный прессинг.

В том Верховном Совете депутаты от демократических объединений в первый и пока в последний раз получили наибольшее число мест — 45%, коммунисты и националисты вместе — 20–25%. Это опять же самая маленькая их доля по сравнению с другими составами законодательных органов. (Остальные 25–30% приходились на колеблющееся «болото»).

И тот Верховный Совет долго во всем поддерживал Ельцина. Одобрил «Беловежский сговор», не остановил гайдаровскую либерализацию цен, одобрил приватизацию по Чубайсу да еще предоставил Ельцину чрезвычайные полномочия для проведения этих реформ. Большая часть делегатов находилась, увы, под влиянием «коммунистов, желавших переqualificироваться в капиталистов», и их интеллектуальной услуги. Но когда делегаты, люди более совестливые, нежели их коллеги в последующие времена, увидели, к чему приводят одобренные ими реформы, они начали пытаться сдерживать реформаторов.

Однако Ельцин к тому времени уже закусил удила — не желал терпеть никаких возражений, возмнил себя самодержцем. Ну и «разворотливая» номенклатура вкупе с «творческими холуями» оказывала на него мощное давление — толкала на конституционный переворот и разгон Верховного Совета.

Пропагандисты Ельцина пустили тогда в ход аргумент, что Верховный Совет не был настоящим парламентом, и поэтому его можно было, значит, разгонять и заодно опрокидывать Конституцию. На бумаге, в Конституции, были слова о правах Верховного Совета, не характерных для западных парламентов, но они ничем не были обеспечены, и потому реальной власти в руках у Ельцина было больше, чем у главы исполнительной власти в любом демократическом государстве. Кроме всего прочего, ему подчинялись все силовые органы. Да и кто сказал, что это плохо — большие права у парламента! Не надо забывать, что под лозунгом «Вся власть Советам!» незадолго до того стояли все демократы, в кавычках и без оных, включая Сахарова. А он, между прочим, был не из тех, кто занимается популизмом и тактическими играми.

За событиями тех дней я наблюдал в основном по передачам CNN, показывавшим всю эволюцию событий: оцепление Белого дома проволочным ограждением, избивание омоновцами людей на прилегающих улицах, в метро. Навсегда запомнился кадр, как омоновец сбивает с ног пожилую женщину на костылях. Было ясно, что ельцинисты стремятся спровоцировать защитников и членов Верховного Совета на какую-нибудь силовую вылазку, чтобы оправдать применение армии.

Трудно, душно было жить в те дни, мутило от омерзения при виде методов «коммунальной кухни», применявшихся Ельциным — отключение в Белом доме связи, света, тепла, канализации. «Всесильный Верховный Совет» был беззащитен перед Ельциным!

На этом фоне уважение вызывало чеченское мужество и упорство Хасбулатова. И я боюсь, что это его мужество дорого потом обошлось чеченскому народу. Ведь именно тогда ради дискредитации Хасбулатова впервые была развернута подлейшая античеченская кампания в верной Ельцину прессе и на телевидении. Чечня представлялась центром мафии, наркобизнеса и т. д. (Это при том, что 70% наркотиков поступало из Таджикистана). А какие расистские выпады делались против самого Хасбулатова! Запомнилось заявление пресс-секретаря Ельцина В. Костикова, что «Хасбулатов является антиподом русского национального характера и русской нравственности, «пришельцем» извне... Судьба России будет решаться под руководством лидера, отражающего национальные интересы отечества». Руководитель отдела средств информации у Ельцина М. Полторанин в интервью для нашего радио объяснял, что «Хасбулатов выступает против демократии в силу своих азиатских генов!».

Учитывая ничтожность личности Ельцина, его злопамятность, я подозреваю, что ненависть к Хасбулатову, посмевшему противоречить его президентскому «ндраву», сыграла потом свою роль в принятии Ельциным решения обуздать Чечню.

Отраду в октябрьские дни давало поведение председателя Конституционного суда Валерия Зорькина. Как и во время предыдущего кризиса в отношениях Ельцина с Верховным Советом, Зорькин продемонстрировал способность и силу духа подниматься до роли неформального лидера лучшей части российского общества. Его компромиссный «нулевой вариант» был принят Верховным Советом и собрал вокруг себя почти всех руководителей областей и краев России, и даже ряд членов президентского совета одобряли этот вариант. Кабинет Зорькина стал неформальным штабом всех людей, стремившихся положить конец самоубийственному для страны конфликту.

Память у россиян дырявая, и потому напомним яркую деталь. Когда делегация представителей регионов собралась идти к Белому дому, чтобы передать текст «нулевого варианта», то белым флагом послужила штора, сорванная с окна в кабинете Зорькина. Нес флаг Кирсан Илюмжинов. Автоматные очереди продолжали раздаваться, и когда Илюмжинов подошел к подъезду Верховного Совета, то, обернувшись, увидел, что с ним осталось лишь два человека! Остальные по дороге растаяли.

В те дни и я вложил свою лепту в попытки ликвидировать кризис, опубликовав в последних числах сентября в «Независимой газете», занимавшей тогда очень достойную позицию, корреспонденцию о том, как относятся к кризису на Западе. Я провел серию блиц-интервью со знакомыми мне немцами и американцами. Все они, конечно, были в шоке и осуждали действия Ельцина. Их мнения в обобщенном виде сводились к тому, что в России, видимо, до сих пор нет понимания, что в правовом и демократическом обществе парламент должен быть высшей властью как орган, представляющий все общество со всеми его разнообразными слоями и классами.

«Мы надеялись, — сказал мне немецкий журналист, — что Россия станет, наконец, цивилизованной и безопасной для мира страной, но теперь мы видим, что ошибались. В правовом обществе Ельцин предстал бы перед судом!»

Эта публикация имела резонанс: ее потом цитировали в статьях.

Ужасала в массе своей элита творческой интеллигенции в стремлении угодить силе, Ельцину, что было мне до боли знакомо по эмиграции. Лозунг Юрия Черниченко «Раздавить гадину!» был тогда одним из самых популярных в этой среде, невзирая на то, что взят он был прямо из лексики 37-го года. А чего стоило собрание интеллигенции в Бетховенском зале Большого театра, когда высокочтимые маэстро умоляли Ельцина «не церемониться с этими шулерами» из Верховного Совета. «В порядочном обществе таких бьют канделябрами!» — разорвался пианист Ю. Петров.

Третьего октября мы с Анитой по случаю воскресенья пошли на прогулку под Мюнхеном, вдоль Изара, но взяли с собой портативный радиоприемник, так как из Москвы несло порохом. И тогда мы услышали репортаж по «Свободе» о прорыве демонстрантов к Белому дому. Острое чувство радости, счастья охватило нас! Неужели люди проснулись?!

Мы бросились назад, в Мюнхен — к телевизору, к спасительному CNN. При виде несметных толп людей, спешивших к Белому дому (в прессе тогда фигурировали цифры от 300 до 500 тысяч человек), при виде радостных, счастливых лиц демонстрантов стало ясно, что это было мирное народное восстание. В один из моментов около камеры CNN молодая девушка воскликнула потрясенно: «Революция! Настоящая революция!». Это подметил даже и австрийский телекомментатор: «Люди шли к Белому дому не столько «за» Верховный Совет, сколько против сложившегося режима нищеты народа и наглого обогащения бывших коммунистических вельмож и их прислужников».

И по «лайфу» CNN мы с ужасом увидели, как солдаты, оцеплявшие Белый дом, открыли огонь из автоматов по толпе. Потом телерепортеры сообщили, что еще раньше стрелять по людям начали из здания мэрии и гостиницы «Мир». На асфальт упали первые жертвы. Но это уже не помогло: оцепление было смято, частично разоружено, частично обращено в бегство.

Что касается обвинений в адрес Хасбулатова и Руцкого в призыве к «насилию» — к штурму мэрии, гостиницы «Мир» и телестудии в Останкино, то, на мой взгляд, они были просто обязаны как руководители парламента, высшего органа власти, подавить антиконституционный мятеж и арестовать его зачинщиков подобно тому, как Ельцин с помощью того же Руцкого арестовал путчистов из ГКЧП. Другое дело, что руководители Верховного Совета не должны были действовать так поспешно, без разведки и подготовки, да еще на ночь глядя. Массовый расстрел в тот вечер демонстрантов в Останкино переломил, видимо, настроение людей: они попросту испугались, поняв, что ельцинисты настроены на смертоубийство, и на другое утро никто не пришел к Белому дому защитить его, как то было в августе 91-го. Но Хасбулатова и Руцкого трудно винить за поспешность: 12 бессонных суток осады в нечеловеческих условиях, и вдруг — освобождение восставшим народом! Голова закружится у любого. Руководители Верховного Совета, видимо, решили, что восстание уже непобедимо и надо действовать решительно.

Ельцинисты утверждали потом, что первыми открыли огонь защитники Белого дома. Но мало того, что противоположную картину демонстрировало телевидение, так, напомним, позже, 9 августа 1995 года, в «Известиях» появилось сенсационное сообщение о том, что Федеральный центр судебной медицины, обследовав автоматы и пистолеты, взятые в Белом доме, и пули, извлеченные из раненых и убитых около него, пришел к заключению, что ни одна из этих пуль не была «идентифицирована с оружием из Белого дома». «Эксперты,

— цитирую сообщение, — попросили оружие, которым стреляли с другой стороны. Им было отказано». И после этого институт в наказание был лишен государственного финансирования.

В «Известиях» и «Коммерсанте» было напечатано и интервью со следователем прокуратуры, возглавлявшим комиссию по расследованию октябрьских событий, в котором он сообщил, что выстрел из гранатомета по студии в Останкино, после которого начался массовый расстрел демонстрантов, был сделан провокатором-милиционером, а два убитых внутри здания — солдат и журналист — были убиты выстрелами в спину!

Расстрел безоружных людей у Останкино вели солдаты элитного «бандформирования» «Витязь» при поддержке бэтээров. Да, к Останкино подъехала и группа вооруженных защитников Белого дома во главе с красно-коричневым генералом Макашовым, но Макашов, поняв, что они попали в засаду превосходящих сил, призвал всех демонстрантов срочно покинуть площадь и увел свой отряд. Большинство демонстрантов не успело уйти, люди, спасаясь, легли на асфальт под ураганным огнем с разных сторон. По официальным данным, у Останкино погибли 100 человек, но это, конечно, преуменьшенная цифра. По телевидению было видно, какие тучи трассирующих пуль летели из окон Останкино и от бэтээров в лежащих на площади людей.

И еще никогда не забуду страшной сцены вывода из Верховного Совета арестованных Хасбулатова и Руцкого. Особенно страшна она была для нас, переживших сталинизм, своей ассоциацией с расправой Сталина над ближайшими своими соратниками!

В связи со штурмом Белого дома напомним прозвучавшие на весь мир слова комментатора CNN: «В центре своей столицы, среди бела дня, на глазах у всего мира русские убивают русских!».

По данным Главного медицинского управления Москвы, вокруг Верховного Совета погибло 133 человека, самому молодому из которых было 15 лет, а самому старому 76. Представители управления сообщили, что в их списке отсутствуют данные о числе погибших внутри Белого дома. Представители «штурмовиков» заявили руководству медицинского управления, что «внутри этого объекта не было обнаружено ни одного трупа». Сталинская школа лжи! Потом все-таки обнаружили 49 трупов, но они никому не были предъявлены, и осталось неизвестным, куда они были вывезены. Журналисты на другой день после штурма нашли 23 трупа под мостом возле Белого дома и семь в одном из ближайших переулков. По слухам, циркулировавшим в Москве, в здании парламента погибло около тысячи человек, часть из которых была расстреляна во внутреннем дворе дома и на соседнем стадионе. Среди депутатов жертв не было, так как они находились во внутренних комнатах Белого дома, но несколько человек из них были избиты «штурмовиками».

Кремлевская пропаганда обвиняла Верховный Совет в том, что среди его защитников были баркашовцы. Были. Человек слаб и в минуту отчаяния хватается за соломинку, принимает любую помощь. А Руцкой, руководивший обороной Верховного Совета, был к тому же и не из самых умных. Ведь не трудно было понять, кто направил баркашовцев к Верховному Совету и зачем. Баркашовцы попозирировали перед телекамерами, чтобы ельцинистам можно было кричать о «мятеже красно-коричневых», и в ночь с 3 на 4 октября убрались восвояси и потом не подвергались никаким репрессиям.

Еще более успешно использовала команда Ельцина и другую коричневую «партию», созданную тем же учреждением, которым было создано и РНЕ Баркашева — ЛДПР Жири-

новского. Ельцин, напомним, ввел Жириновского в Конституционное собрание, потом перед выборами и референдумом дал ему зеленую улицу на телевидении и, раскрутив его таким образом, использовал для привлечения голосов к одобрению новой конституции. За нее ведь, кроме ЛДПР, голосовал только гайдаровский «Выбор России». Без помощи Жириновского ельцинистам было бы много труднее сфальсифицировать результаты референдума: пришлось бы приписывать слишком много голов избирателей — а так хватило приписать два-три процента. Напомню, вопреки победной реляции центризбиркома на референдум пришло меньше половины избирателей, и референдум нельзя было объявлять состоявшимся. Пресса была еще тогда относительно свободной, и фальсификация численности проголосовавших граждан была доказана бесспорно.

И еще хочу напомнить о том потоке злобной лжи, которую изрекали в те дни Ельцин и его сторонники.

Ночью 4 октября, перед штурмом Верховного Совета, Ельцин выступил с обращением «К гражданам России». Приведу самые яркие выдержки из него:

«В столице России гремят выстрелы и льется кровь. Свезенные со всей страны боевики, подстрекаемые руководством Белого дома, сеют смерть и разрушения...

Мы не готовились к войне. Мы надеялись, что можно договориться, сохранить мир в столице. Те, кто пошел против мирного города и развязал кровавую бойню, — преступники...

Под прикрытием переговоров они копили силы, собирали бандитские отряды из наемников, привыкших к убийствам и произволу. Ничтожная кучка политиканов попыталась оружием навязать свою волю всей стране...

Они надеялись на внезапность, на то, что их наглость и беспримерная жестокость посеют страх и растерянность. Они надеялись, что военнослужащие останутся в стороне и будут спокойно смотреть, как вновь устанавливают кровавую диктатуру в нашей стране...

Вооруженный фашистско-коммунистический мятеж в Москве будет подавлен в самые кратчайшие сроки».

Это был язык Сталина, язык 37-го года, и такое Ельцин говорил об избранниках народа, о людях, которые дали ему все: выбрали его Председателем Верховного Совета, учредили для него пост Президента, помогли подавить путч ГКЧП.

Ельцин все время вставляет в текст своей речи эпитеты «кровавый», «кровавую» и т. д., а через год он, став фактически самодержцем, развязывает для поднятия своего рейтинга воистину кровавую бойню в Чечне, которая будет проводиться с жестокостью, сопоставимой со зверствами гитлеровской армии. Причастен он будет вместе со своей «семьей» и преемником и ко второй бойне в Чечне.

А теперь самый важный «штрих»: реакция элиты творческой интеллигенции. Приведу почти в полном объеме обращение писателей от 5 октября, т. е. уже после разгрома Верховного Совета. Для тех, кто читал это обращение, перечитать его будет очень полезно! Такое никогда нельзя забывать!

«Писатели требуют от правительства решительных действий.

3 октября произошло то, что не могло не произойти из-за наших с вами беспечности и глупости, — фашисты взялись за оружие, пытаясь захватить власть. Слава Богу, армия и правоохранительные органы оказались с народом, не раскололись, не позволили перерасти кровавой аванюре в гибельную гражданскую войну, ну, а если бы вдруг?.. Нам некого было бы винить, кроме самих себя. Мы «жалостливо» умоляли после августовского путча не «мстить», не «наказывать», не «запрещать», не «закрывать», не «заниматься поисками ведьм». Нам очень хотелось быть добрыми, великодушными, терпимыми. Добрыми... К кому? К убийцам? Терпимыми... К чему? К фашизму?

Что тут говорить... Хватит говорить! Пора научиться действовать. Эти тупые негодяи уважают только силу. Так не пора ли ее продемонстрировать нашей юной, но, как мы вновь с радостным удивлением убедились, достаточно окрепшей демократии?

Мы не призываем ни к мести, ни к жестокости, хотя скорбь о невинных жертвах и гнев к хладнокровным палачам переполняет наши (как наверное и ваши) сердца. Но хватит! Мы не можем позволить, чтобы судьба демократии и дальше зависела от воли кучки идеологических пройдох и политических авантюристов.

Мы должны на этот раз жестко потребовать от правительства и президента то, что они должны были (вместе с нами) сделать давно, но не сделали». (Известия. 5.10.1993)

Далее идет перечень требований: о запрете (без суда!) оппозиционных организаций и изданий, о суровом суде над «организаторами и участниками кровавой драмы» и о разгоне «не только съезда народных депутатов и Верховного Совета, но и всех образованных им организаций, включая и Конституционный суд».

«История, — заканчивают свое обращение писатели, — еще раз предоставила нам шанс сделать широкий шаг к демократии и цивилизованности. Не упустим же такой шанс еще раз, как это было уже не однажды!».

Под заявлением стояло 42 подписи, среди которых красовались подписи Алеся Адамовича, Беллы Ахмадулиной, Григория Бакланова, Василя Быкова, Даниила Гранина, Сергея Каледина, Юрия Карякина, академика Дмитрия Лихачева, Юрия Нагибина, Булата Окуджавы, Анатолия Приставкина, Роберта Рождественского, Виктора Астафьева.

И другой документ — фрагмент из статьи писателя Юрия Нагибина, опубликованной незадолго до разгона Верховного Совета. Цитирую по подборке журнала «Век XX и мир» (1994. №5-6), который редактировал тогда Глеб Павловский, ставший затем «политтехнологом» Путина.

«Ничто не кончилось.

...Сброд хасбулатовских прихвостней. Вы пропустили мимо ушей вещие слова Лермонтова: «Злой чечен ползет на берег, точит свой кинжал». И он приполз, этот злой чечен, на берег Москвы-реки, наводнив город своими воинственными соплеменниками, которые... вывозят из Москвы несметные сокровища... А может, русскому народу захотелось по-мазохистски после норманнов, татар, ляхов, французов, остзейских немцев, евреев, грузин и украинских кацапов попробовать чеченской плети?»

Ну вот, все эти милые документы хорошо иллюстрируют, что все качества российской эмиграции, до того мною описанные, были следствием и отражением уровня морали и интеллекта российской гуманитарной интеллигенции.

Иллюстрируют приведенные документы, и что это такое — интенсивное разрушение, в данном случае нравственное, о котором предупреждал Сахаров в своем последнем выступлении. Причем происходит это разрушение в том слое общества, которого оно должно было бы коснуться в последнюю очередь.

У меня нет никакого сомнения, что если бы сила (ГБ, армия) была в руках Верховного Совета, то в число «кровавых бандитов» подписанты обращения зачислили бы Ельцина и его подчиненных.

Уход со «Свободы»

Итак, 1 октября 1993 года я прекратил работу на «Свободе». Двадцать лет от звонка до звонка! Ни грусти, ни радости я не испытал, только некоторое облегчение.

Подведу итог работы «Свободы», каким он мне представляется, а также и моей работы на радиостанции.

Итог работы станции, с одной стороны, позитивен: она внесла свою лепту в ликвидацию смертельно опасного для мира тоталитарного режима, но с другой стороны, перемены в жизни страны, которые РС в той или иной мере стимулировала, привели к созданию такого строя, который примерно для 2/3 населения оказался еще хуже прежнего. Нищета, голод, вымерзание, вымирание (по миллиону в год!) — удел этих двух третей.

В России сейчас часто можно слышать, что «Свобода» сыграла большую роль в развале Советского Союза — а это многими воспринимается как крайне негативное событие. Но, на мой взгляд, никакой пропаганды за развал СССР «Свобода» осознанно не вела. Американское руководство, как и власти других западных стран, очень боялись такого развала, ибо он способен был вызвать в СССР междоусобную войну югославского типа, да еще с ядерным оружием! И в то же время я считаю, что руководители РС, сами того не сознавая, действительно работали на развал СССР, предоставляя в течение долгого периода большую часть эфирного времени русским шовинистам и великодержавникам, особенно после выезда на Запад Солженицына. В нерусских республиках, где глушение «Свободы» было значительно слабее, чем в Москве или Ленинграде, эти передачи вызывали, точнее, усиливали страх перед русскими и Россией и желание отойти от нее подальше. Так что в целом итог работы «Свободы» считать позитивным, на мой взгляд, трудно.

Еще труднее мне оценить свою работу на «Свободе». Когда велось глушение, мои непростой фактуры передачи (о синтезном социализме) воспринимались тяжело, были, наверное, мало понятны для слушателей, а когда глушение прекратилось, «глушить» мои передачи принялись эмигрантские начальнички станции!

Между прочим, примерно в то же время, что и я, ушел со «Свободы» и Андрей Бабицкий, совсем молодой еще тогда человек, который девять лет спустя стал одной из первых жертв путинской «управляемой демократии» — был похищен бандитами из ФСБ.

В дни августовского путча 1991 года Бабицкий (вместе с другим московским сотрудником РС Михаилом Соколовым) сидел в Белом доме, осажденном войсками путчистов, и вел оттуда репортаж. После победы Ельцин лично наградил Бабицкого и Соколова какими-то орденами или медалями за мужество. А в дни ельцинского путча в 1993 году Бабицкий вновь вел репортаж из вновь осажденного Белого дома, но теперь уже ельцинским войском! И его репортажи, как и мои передачи, перестали тогда пропускать в эфир эмигрантские начальники. Выйдя 4 октября из Белого дома, Андрей Бабицкий уволился со «Свободы», фактически был уволен. Вернулся он на «Свободу» через несколько лет, когда станция перестала безоглядно поддерживать ельцинский режим, и снова стал работать репортером в «горячих точках», в том числе в Чечне, где и был задержан сотрудниками ФСБ, которые поначалу поместили его в страшный пыточный изолятор в селе Чернокозово, а затем инсценировали его обмен на «якобы» плененных чеченцами российских солдат, и он оказался в руках чеченских агентов ФСБ. Под давлением западной общественности и существовавших еще тогда независимых органов СМИ команда Путина разжала свои когти, но Бабицкий вынужден был переехать с семьей в Прагу, чтобы не подвергать семью опасности мести со стороны ФСБ.

Прекращение деятельности Союза трудовых коллективов

В 94-м году, как я уже упоминал, прекратилось существование Союза трудовых коллективов. Развал большей части обрабатывающей промышленности привел и к развалу трудовых коллективов этой отрасли, самых заинтересованных в кооперативном строе. Почти полностью пошли под нож научно-прикладные институты, которые были интеллектуальным ядром Союза, не стало и средств для содержания центрального аппарата Союза.

К этому еще администрация Ельцина вскоре после устранения Горбачева (в борьбе с ГКЧП Союз трудовых коллективов активно поддерживал Ельцина!) показала Союзу на дверь в прямом (выселила из Белого дома) и переносном смысле: увела СМИ от Союза. Мавр сделал свое дело!

После же Октября 93-го, когда большинство ячеек Союза поддержало Верховный Совет, на Союз начались прямые гонения, противостоять которым у членов Союза не хватило характера. Крушение Союз трудовых коллективов было и крушением моих надежд на реализацию в России выношенных мною идей и на то, чтобы стать нужным своей родине.

В 93-м году закончилось также сотрудничество Союза и мое с Сергеем Алексеевым. Стоило Ельцину поманить его, как он со всех ног бросился на зов, лишь бы вернуться в высокую политику. Он со своими сотрудниками стал главным разработчиком ельцинской конституции. И потом откровенно комментировал ее: да, она царистская, но этого требует национальная традиция России! От самоуправления к самодержавию! Еще один образец российско-советского интеллигента с высоким уровнем «зрячести, ответственности и вменяемости».

Сколько раз в жизни я оказывался на шаг от перелома моей судьбы к лучшему! В 1952 году я стоял у начала научной карьеры, в 1968 оставался только шаг для утверждения демократического социализма в Чехословакии, что изменило бы и мою жизнь коренным образом, в 1976 — рухнул проект Белля, Грасса и К. Штерн, а с ним и моя надежда создать свой журнал и уйти со «Свободы», в 1981 (13-го декабря) — разгром «Солидарности» накануне введения в Польше самоуправления трудовых коллективов, и вот в 1994 году — угасание СТК России. Обычно людям хватает пары подобных ударов...